

Новая Польша 1/2009

0: ПУТЕШЕСТВИЕ, КОТОРОЕ ХОЧЕТСЯ ПОВТОРИТЬ

В уже далекие 70-е оформляли мы в Архангельске стенд для Исакогорского райкома партии. По-нашему — «шабашка».

И решили наши «боги» премировать нас путевкой в дружественную Польшу. Правда, за свой счет. Но путевка стоила 115 рублей и + 90 рублей обмена на злотые. Ох, и пухлая получилась пачка злотых.

Перед поездкой нас решили «проверить на вшивость». И вот вызывают в райком, где второй секретарь райкома тов. Филиппьева нас решила спытать на предмет нашего путешествия. Что нас тянет «в даль туманную»?

Кстати, очень душевный была человек, мало таких людей из когорты партийных боссов мне встречалось. Приходилось общаться и с Б.В.Поповым (первый секретарь обкома партии). Но между ними большая пропасть — может, у того голова больше болела о граде Архангельском, чем об отдельно взятом человеке? А может, и сказалось, что вместе учился в 9-10 классах с ее дочкой. Она была как мы, без «пузырей», не нынешнее боссовское отродье.

Мы с Виктором Погонщиковым дружно отбарабанили, что влекут нас музеи, искусство и архитектура братской Польши.

Кстати, он тоже был сотрудником доблестной милиции. Художник в душе, меломан и поклонник «Битлов».

После райкома нас «пытали» в офисе бюро «Спутник» люди «без лица».

Итогом был «познавательный обед» в ресторане «Двина», где нас учили обращаться с вилкой и ложкой.

А у меня, как всегда, вышел казус, леший бы побрал; Вера Клокотова, директор книжного магазина, подсунула книжицу «О вежливости и этикете» — перевод с эстонского. И вякнул я на «познавательном» банкете, что курицу едят руками только русские и ели неандертальцы (у тех не было вилок, а каменным топором или стрелой несподручно). Но обошлось. Все сочли за шутку.

Последний урок «любви к Родине» — Брест... Руины, равелины старой крепости и фильм об истории Великой Отечественной — помню всё, как будто было только вчера.

На границе наши погранцы, узнав, что мы с Севера, то бишь с Архангельска, даже нас не досматривали, зато автобус из Казани, пришедший на три часа раньше, все еще стоял под досмотром...

Ну а поляки даже не соизволили по автобусу пройти...

Маршрут начинался со столицы Польши — с Варшавы. Путь от Бреста до Варшавы с кратковременными стоянками занял остаток дня.

Первое, что поразило нас, прибывших из страны, где Бога как бы не было, — это то, что почти в каждой хатке или особнячке под стрехой крыши, в арочной нише, стояла скульптура Мадонны с младенцем. Везде по трассе.

А второе — что попали на праздник Пасхи. (Мы были в апреле.)

Представьте, только познакомились с нашим гидом: пани Зося, комсомолка, студентка университета и по совместительству — гид. И вот на третий день она приходит и объявляет:

— Друзья мои! Извините, но я сегодня не могу вас сопровождать, так как мне надо в костел на пасхальное богослужение.

И просветила, что три дня ни магазины, ни рынки, ни предприятия (кроме сервиса обслуживания) работать не будут...

Это был для нас шок.

Вот тогда я снова подумал, как из нас, людей, КПСС сделала быдло, стадо, агнца на заклание ради «светлого будущего».

Ну и уговорил Виктора прогуляться по варшавским костелам...

В первом же нас окропили святой водой и, узнав, что мы из Союза, подарили набор бумажных ликов святых и брошюру о костеле.

Потом другой костел, а дальше — «крыша может съехать»... Представьте: офицерский костел! И это в стране, которая, как и мы, строит «светлое будущее».

Перед храмом Божьим Виктор снова было заартачился:

— Это же «офицерский»!

— Витя! Если что, предъявим свои «корочки»! — (Мы забыли почему-то оставить их дома). Но все обошлось без «предъявы».

Костелы поражали богатством убранства и красотой интерьера, отношением прихожан к вере.

Экскурс в католическое лоно окончился у нас поздно вечером, когда в «режиме» числился ужин в ресторане «Варшава».

Комсомольцы не подпадали под статус, когда экскурсантам положено хотя бы пиво. Из Союза можно было вывозить по бутылке на глаз. Но в Москве скинулись, и почему-то вышло больше. С математикой дружили в тот момент явно плохо.

Употреблять можно тихо, только укрывшись в «нумерах» после расписанного времени — вечером, после ужина, на вечерах-встречах с польской молодежью.

С алкоголем я в те времена не дружил, а точнее совсем не пил. Дома была большая коллекция вин и других водочных напитков, а коллекция пачек сигарет со всего света превышала не одну сотню (их привозили друзья-моряки, да и сам свозил из поездок по стране).

Виктор, зная мое отношение к алкоголю, предпочитал оказываться рядом. Так и в ресторане «Варшава» сидели за одним столиком. И две девчонки из нашей группы. Соответственно на людях для нас и в Пасху был «сухой закон». Рядом же поляки отмечали праздник «Житной» с колосками на белом фоне этикетки. Но пили очень мало. Из крохотных рюмочек, с большими перерывами и обильной закуской.

Вялотекущий шел процесс...

Потом они обратили внимание на наш стол, не украшенный бутылкой в Святую Пасху. А может, услышали наш русский.

Представьте: поляки подзывают официанта и что-то объясняют. Тот удаляется в бар и... подносит к нашему столу поднос с двумя бокалами шампанского и парой рюмок водки, ставит пред нами. Мы объясняем, что не заказывали. Он же молвит: это «прозит» от соседей-поляков.

— Вы им чем-то понравились! И поздравляют вас с Пасхой.

Виктор пьет рюмку, а девчонки — шампанское; поклоном в направлении соседнего столика Виктор благодарит поляков:

— Дзянкую, панове! За Пасху!

И тут же выпивает рюмку, поставленную мне, объясняя, что я не пью. Вытирает губы салфеткой и, не закусывая, снова благодарит поляков. Те расчувствовались, налили Виктору целый стакан «Житной» и, чокнувшись, вместе выпили.

Витя снова показывает фокус с салфеткой вместо закуски.

Короче, поляки заказали еще бутылку «Житной». Девчонки вежливо пить отказались, тем более что видели взгляды старшего группы Сергея Михайловича. Ну, а Витек уже за столиком поляков закончил бутылку, так как братья-славяне после третьей рюмки пошли брататься и клясться в «вечной дружбе».

Вечером, после ужина, соотечественники отмечали Пасху по номерам в гостинице «Сирена». Ужин в ресторане «Варшава» нам перенесли, потому что ресторан в гостинице не работал из-за праздника. Она была более низкого разряда.

Не стоит забывать, в Польше апрель — когда всё расцветает, весна в разгаре.

Но почему-то в душе звучали слова песни:

— Над Варшавой падает снег...

Потом были Лодзь, Познань, Гданьск, Гдыня, Сопот...

Дни пролетели незаметно, и вот прощание с пани Зосей, прощание с Польшей... Прощание со Святой Пасхой...

Автобус подходит к мосту через Буг. Поляк-пограничник прощается с нами, спрашивает, понравилось ли нам в Польше?

— Да! Да!! Да!!!...

— Дзенькую, панове и паненки!

«Икарус», венгерское чудо техники, как бы почувствовал общее настроение и, чихнув, заглох на середине моста... Техника созвучна настроению души.

Но вот заработал стартер, вздрогнул и заурчал мотор...

О Польше напоминают книги. Наши, но оттуда, с пометками: «Приобретена в Варшаве», «Приобретена в Познани», коллекция значков по автомобильной тематике. И бумажные иконки.

1: С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛЯГУШКИ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

Мой образ России складывается из многих элементов. Первым из них была Москва, в которой я провела июнь прошлого года. Она очаровала меня размахом, красивыми церквями, прелестными переулками и самой своей жизнью в непрерывном движении. Она поразила меня своей монументальностью, везде присутствующим Лениным, самыми дорогами на свете машинами, магазинами, клубами. А опечалила нищетой, выглядывающей из разных углов. «Москва — это не Россия», — слышала я постоянно. Тогда какая же она, Россия, раздумывала я, если нечто, представлявшееся мне насквозь российским, вовсе не таково.

Спустя полтора месяца был Петербург, куда я отправилась на несколько дней с большой группой своих знакомых. Со своими разноцветными фасадами, толпами туристов и кричащими витринами сувенирных магазинов он показался мне искусственным. Значит, это тоже Россией назвать нельзя, подумала я.

Попытку узнать настоящую Россию я предприняла летом этого года, отправившись в полуторамесячное путешествие по стране в одиночку, автостопом. Из Монголии (где мы с моим спутником разделились, проехав до этого вместе по Украине и частично по России) я направились к Байкалу, оттуда — через Екатеринбург и Казань — в Москву. Затем я отправилась на север, на Соловецкие острова и в Мурманск, а оттуда добралась до Петербурга. Выхала я из России через границу с Финляндией.

Мое путешествие не было запланированным. Поэтому и впечатления мои хаотичны. Я ехала, хорошо зная русский язык и обладая обрывочными знаниями о России, почерпнутыми из прочитанных книг и услышанных рассказов. Думаю, что я не обладала необходимым инструментарием, который помог бы мне познать этот сложный, многослойный, складывающийся из многих культур мир. В памяти остались прежде всего встреченные мною люди и неиссякаемое стремление узнавать Россию вновь и вновь.

ВЛАСТЬ

Булата с товарищем я встретила уже темной ночью за Челябинском. Нам негде было ночевать: до самого Новосибирска эти места преимущественно покрыты болотами. Нас кусали громадные комары и донимали оводы. Булат ездит на двадцатилетнем «жигулёнке», купленном за триста долларов. Кажется, что в машине неработающих механизмов больше, чем работающих. Неисправен спидометр и указатель уровня топлива, а из того места, где должен быть радиоприёмник, торчат провода, которые тянутся к заднему сиденью. Посередине заднего сиденья лежит деревянный ящичек с встроенным CD-плеером и колонками по бокам. Из этого довольно нетривиально выглядящего устройства льётся классическая музыка. Провода искрят. Булат, спокойный мужчина с тихим голосом, едет с приятелем Андреем в деревню Петухово, что на границе с Казахстаном. Андрей, казахский гражданин, потерял паспорт и хочет оформить его в своей стране, куда не может въехать как раз потому, что у него нет паспорта. Если бы он захотел решить этот вопрос в России, то ему пришлось бы провести долгие часы в очередях. Так что он будет пересекать границу нелегально. За это ему грозит несколько лет тюрьмы.

Когда мы в пять утра подъезжаем к Петухово, нас останавливает милиция. Отсутствие документа у Андрея — большая проблема. Булат ведет долгие переговоры с милиционерами. Наконец он вручает им пятьсот рублей, и мы уезжаем.

Со временем я привыкаю к повсеместной в России коррупции. Привыкаю и к недоброжелательности представителей власти. Я прихожу к выводу, что милиционер отыщет нарушение даже у совершенно невиновного человека. Попытка же решить какое бы то ни было дело в учреждении наверняка окажется безуспешной. Памятуя о неприятной ситуации на российско-монгольской границе, когда меня не хотели пропустить в Монголию из-за отсутствия российской регистрации, я решила не пренебрегать этим вопросом во время очередного пребывания в России. В Иркутске я безуспешно пыталась оформить регистрацию на почте. Потом отправилась в иммиграционную службу.

— Добрый день, я из Польши, приехала в Россию два дня назад и хотела бы зарегистрировать здесь своё пребывание.

— А где же приглашающая сторона? — спрашивает меня строгим голосом дама в окошке.

— Ну... Нету. Но на границе мне сказали, что я могу зарегистрироваться без неё.

— А я вам говорю другое: для оформления регистрации необходима приглашающая сторона, — бесстрастно отвечает чиновница.

— Так что же мне делать, если у меня ее нет и не будет? — спрашиваю я с отчаянием. Мне вовсе не хочется снова иметь проблемы на границе. А что если меня еще и депортируют?

— Ищите, — женщина делает рукой неопределённое круговое движение в пространстве.

— Где? На улице? — не верю я собственным ушам.

— Да. На улице, — слышу в ответ.

Выхожу на улицу, и в самом деле: беззубый (я заметила, что в России большие проблемы с зубами) прихрамывающий мужчина с бельмом на глазу предлагает мне регистрацию за восемьсот рублей. Я соглашаюсь, ибо другого выхода у меня нет: завтра — воскресенье, учреждения не работают, а в понедельник будет уже поздно, так как иностранец должен оформить регистрацию в России в течение трех суток со дня приезда. После перерыва на обед (еще одна российская особенность: перерыв на обед, который, как правило, длится час и приходится в разных местах на разное время, а вдобавок постоянные технические перерывы) мужчина приходит к той же чиновнице, с которой я разговаривала, и без малейших проблем регистрирует меня у себя в квартире. Вот памятник абсурду российской бюрократии.

В свою очередь русские представляются мне чемпионами в том, как обойти закон. Я остановила водителя, который уже полгода ездит на машине с бумажным номером, прикрепленным к лобовому стеклу (с такими ездят на недавно купленных, еще не зарегистрированных машинах). Он объяснил мне, что дешевле заплатить сто рублей штрафа, который по закону можно взимать только раз в день, чем зарегистрировать машину и платить страховку.

ПРОСТОР

«В России, — говорит Булат, — если ты поссорился с девушкой, перед тобой огромный простор, ты можешь сбежать куда угодно и не общаться. А в той же Германии — все живут тесно, кругом дома. Нечем дышать». В России есть чем дышать. Иногда кажется, что чересчур много этого воздуха. Безграничные поля и леса, бесконечная, упирающаяся в горизонт дорога, вызывают головокружение. «У нас нет таких просторов, — объясняю я всем. — Нет таких огромных, растянувшихся на сотни и тысячи километров лесов. А поля вдоль дорог чаще всего возделываются. Ну и везде деревушки и города, и бензоколонки, и бары, и кафе. Вообще всю Польшу можно проехать за один день. С запада на восток — около 800 километров». При этом сообщении люди усмеваются — кто весело, кто с жалостью. Что такое 800 километров? Расстояние от Новосибирска до Омска. А от Омска еще много тысяч километров до Москвы. Какая-то маленькая эта ваша Польша. Куда там сравнивать её с нашей великой Россией.

В России меняется общее представление о расстоянии. «Наконец, — думаю я, — осталась только тысяча километров». По моим подсчетам выходит, что в России можно без труда проехать автостопом за один день такое, а иногда даже и большее расстояние. Только для этого должны быть выполнены два условия: дорога должна быть асфальтированной и не иметь двухметровых выбоин, и еще надо передвигаться на легковых машинах, ибо грузовики, особенно МАЗы и КамАЗы, которых полно на российских дорогах, едут очень медленно.

НА ТРАССЕ

Российские грузовики — вот интереснейший для приезжего из Польши вопрос. В России их огромное количество. Я даже встретила водителя, который купил себе МАЗ, объяснив своё решение тем, что запчасти для него он найдёт у любого мужика в поле. Действительно, Валя, с которым я ехала из Екатеринбурга в Казань на американском «Фрейтлайнере» (мне очень нравятся эти грузовики: их вытянутый капот напоминает собачью морду, а кабина такая большая, что там, верно, можно даже танцевать), на протяжении тысячи километров не мог купить к нему шины. Зато мы встретили на трассе множество ремонтных мастерских, предлагавших запчасти к МАЗам, ВАЗам, КамАЗам и другим АЗам. При этом, объяснил мне один водитель, зимой в Сибири ездят только российские машины. Иномарки просто не выдерживают здешних морозов.

Для МАЗов не предусмотрены ремни безопасности (впрочем, требование пристегивать ремни введено в России лишь в январе нынешнего года, и люди пристегиваются, только заведя контрольный пост дорожной милиции). Этих ремней нет даже в так называемых новых МАЗах. Ибо, как оказалось, МАЗы делятся на три категории: МАЗ, новый МАЗ и Супер-МАЗ. У нового МАЗа кабина больше, чем у старого, — пожалуй, в этом состоит вся разница. О Супер-МАЗе среди водителей ходят легенды. С нескрываемым восхищением мне рассказывали, что он выглядит и ездит совсем как импортная машина.

А вот в Монголии один россиянин объяснил мне секрет УАЗа. «В УАЗе ничего не ломается. Кондиционер не ломается, потому что его нет. Автоматическая коробка передач не ломается, потому что её тоже нет. Не ломается то, чего нет, а в УАЗе нет почти ничего».

Очередная восточная — как русская, так и украинская — особенность состоит в том, что самая плохая и самая старая советская машина всегда оснащена несколькими совершенно необходимыми элементами. Это обязательный современный, мигающий разноцветными огоньками радиоприемник с плеером для CD, оплетка руля (например, красного цвета со всполохами и надписью «Devil») и яркого цвета набалдашник на рычаге переключения скоростей — в моем личном рейтинге лидировал тот, что имел форму шара с застывшими внутри него пластиковыми рыбками.

СТРАХ

Люди обычно меня пугают. «В России, — утверждают они, — полно сумасшедших». Дороги буквально кишат бандитами, убийцами, насильниками, наркоманами, извращенцами, алкоголиками и всякими другими дикарями. Один шофер буквально убеждал меня в том, что в России все люди плохие. «Все-все-все?» — спрашиваю я. Все-все-все. Так почему я до сих пор их еще не встретила? Он с сомнением качает головой.

А я задумываюсь, почему же в стране, где чужие люди готовы были помочь мне последними деньгами, бытует всеобщее убеждение об одичании. Это же в России все меня кормили. Это там совершенно незнакомые люди предлагали мне ночлег — в машине или у себя дома. Один раз я ехала с врачом, который, узнав, что мне негде ночевать, отвез меня в деревню, где он работал терапевтом. Там я остановилась в его доме — в больничном здании, принадлежащем государству, где половина предоставлена ему во временное пользование. На следующее утро меня ждал завтрак, а одна из медсестер проводила меня к автобусу, шедшему по иркутской трассе. Двое мужчин из собственных денег оплатили мой ночлег в гостинице — один раз это было в Черемхове, в 150 км от

Иркутска, другой раз — в Казани. Оба приехали за мной на следующий день и отвезли на трассу. Это в России меня бесплатно подвозили на такси, на маршрутках и автобусах. Часто водители останавливались даже тогда, когда я не махала рукой. Иногда делали крюк, чтобы довезти меня чуть дальше или высадить в более удобном месте. Они разрешали мне пользоваться своими мобильниками. Оставляли адреса и номера телефонов. На российско-монгольской границе пограничник даже остановил для меня машину и велел водителю перевезти меня на другую сторону. Женщина из иммиграционной службы, вместо того чтобы взять с меня штраф за отсутствие регистрации, несколько минут побеседовала со мной и отпустила. В любом транспорте по поводу меня часто возникали бурные дискуссии. Пассажиры горячо спорили, где мне следует выйти и по какой трассе ехать. Люди подходили ко мне на улицах, предлагая свою помощь. Моим большим рюкзаком интересовались продавщицы в киосках, персонал в магазинах, кондукторы и прохожие.

Безусловно, неверно было бы утверждать, что в России я встречалась только с доброжелательностью. В Екатеринбурге меня обругала кондукторша, у которой я спросила про маршрут трамвая. В Казани попытка купить билет на поезд закончилась неудачей, ибо цена возросла почти вдвое, после того как я предъявила польский паспорт. Хотя в рабочем общежитии в Кемии были свободные места, мне не удалось там переночевать: мой заграничный паспорт вызвал панику. Мне посоветовали идти ночевать на вокзал. Многие водители путали автостопщицу с проституткой и более или менее открыто делали мне гнусные предложения. Когда я выезжала из России, то долго никто не желал перевезти меня через российско-финскую границу, хотя, стоя под дождем с большим рюкзаком, я могла скорее вызвать своим видом жалость, чем кого-то напугать.

Мне кажется, большинство испытывало по отношению ко мне ту жалость, которую обычно испытывают к людям не совсем нормальным или не сознающим свои действия. То есть к тем, кого сложно понять, но нельзя и осуждать. «Лягушка-путешественница», — вздыхали они, глядя на меня. Со временем я привыкла к вопросу, который поначалу меня шокировал: «А у тебя что, умерли родители?» Люди с трудом осознавали, что мои родители могут спокойно спать, в то время как их дочь скитается в одиночку по Сибири. «Странная ты девушка», — сказал мне как-то на прощание один шофер.

ОЛЯ

На Большом Соловецком острове, на чердаке деревянного домика Лены Морозовой на Приморской улице, я встретила необыкновенного человека. Оля Блинкина — худенькая энергичная женщина, работающая в «Мемориале», она приезжает на Соловки уже не первый раз. Мы разговаривали с ней несколько часов подряд, пока я безуспешно пыталась собрать вещи (надо успеть на послеобеденный катер), а хозяйка, напоминая мне о времени, напрасно пыталась выпроводить.

Олина необычайность заключается в том, что она обладает огромной эрудицией и опытом в сочетании с невероятным чувством юмора и очень сдержанным отношением к миру. Она — одна из тех немногих встреченных мною людей, кто прекрасно понял мою страсть к путешествиям. Впрочем, можно ли ожидать чего-то другого от человека, побывавшего в самых отдаленных уголках России — от Мурманска до Магадана — и объехавшего автостопом пол-Европы?

Оля — замечательный собеседник, который прекрасно умеет и слушать, и рассказывать. Она объясняла непонятные мне вещи, которые видит не только с российской или польской позиции, но с какой-то всеобщей перспективы.

Как это замечательно — прихожу я к выводу — встретить, уехав так далеко, столь необыкновенного человека, из-за которого мне совсем не хочется покидать чердак деревянного домика Лены Морозовой на Приморской улице на Большом Соловецком острове.

РОССИЙСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В России можно узнать массу совершенно неожиданных вещей. Например, что если тебе нет еще и двадцати лет, то ты должен иметь уже хотя бы одного ребенка, так что я, собственно говоря, уже довольно старая. Что в Мурманске хорошо быть долгожителем: в некоторых городских маршрутках, например, люди, достигшие ста лет, пользуются правом бесплатного проезда. И что если сумма трех первых цифр, напечатанных на троллейбусном билете, равняется сумме трех последних, то надо загадать желание и съесть этот билет. Что в России ездить на велосипеде в нетрезвом состоянии не запрещается, поэтому там создаются общества алкоголиков-велосипедистов (алкобайкеров). Что грузовик, который китайцы загружали в течение двадцати минут, русские будут разгружать пять часов.

Можно встретить много необыкновенных людей. Например, беззубого рабочего, утверждающего, что он — мастер тайского массажа, а заодно еще и всем известный глава мафии, у которого денег больше, чем у самого Абрамовича. Нео-язычника, который поклоняется Матери Земле и Богу Солнцу и прикладывает с поцелуями к половине встреченных по пути деревьев. Парижанина 54 лет, который всю жизнь мечтал о том, чтобы на машине доехать до Мурманска.

А в магазине «Сталин» в Красноярске продают изделия из стали.

2: О ПОЛЬСКИХ РАДИКАЛЬНЫХ РЕФОРМАХ И ПУТИ К СВОБОДНОМУ РЫНКУ

— Вы понимаете, что в 1989 году вы фактически совершили государственный переворот?

— Я бы этого так не назвал. У победившей «Солидарности» не было никакой программы экономических преобразований. Я решил принять предложение премьер-министра Тадеуша Мазовецкого и занять пост вице-премьера по вопросам экономики и министра финансов, потому что считал, что подобные радикальные преобразования, одновременно изменяющие роль государства в жизни общества, абсолютно необходимы. Для меня было также ясно, что индексация заработной платы, завоеванная «Солидарностью» в ходе переговоров «круглого стола», не может быть сохранена. Помню, что когда я сказал это Тадеушу Мазовецкому, тот даже охнул.

— Это как раз одно из доказательств тезиса о своего рода государственным перевороте. На переговорах «круглого стола» индексацию упорно отстаивали. Вся предпринятая вами операция была по сути дела единоличным проектом, осуществлявшимся без публичного обсуждения и даже, быть может, без полного понимания ее премьер-министром. Вы захватили власть и куда-то с ней сбежали.

— Всё было проведено вполне демократическим путем, у правительства была парламентская легитимность, Сейм подавляющим большинством голосов принял соответствующее законодательство, Сенат его одобрил. Это было сделано быстро и эффективно. Эффективность не означает отсутствия демократии.

— Одобрение, о котором вы говорите, было связано скорее с ощущением исторической миссии этого парламента, с его революционностью, а не с осознанием того, за что депутаты голосуют.

— Полностью предвидеть все последствия этого шага в то время не мог никто. Было лишь известно, что только капитализм с его конкуренцией дает возможность наверстать наше отставание от Запада. Кроме того, все переломные изменения осуществлялись чрезвычайно быстрыми темпами. Если что-то затягивалось, то это как правило заканчивалось неудачей.

— Когда вам предлагали войти в правительство, то ожидалось, что вы представите уже готовый план? Или были какие-то директивы, строго определенные границы, которые нельзя было переступить?

— Надо сказать, что тогда не было ни избытка идей относительно преобразований в экономике, ни людей, которые были бы готовы взять на себя роль координатора этих реформ. Что касается директив, то Мазовецкий просто сказал мне: «Я хотел бы, чтобы вы были моим Людвигом Эрхардом». А поскольку так сложилось, что я как раз занимался немецким опытом в области реформ, то вполне осознавал, что в Польше предстоит сделать гораздо больше, чем в Западной Германии после II Мировой войны. Там хватило двух этапов. Первый из них — это стабилизация, то есть обуздание инфляции, а второй — освобождение экономики от государственного регулирования, введенного в годы войны. Им не нужно было создавать институтов рыночной экономики, так как капитализм там не был уничтожен, а просто на какое-то время отменен. У нас же одной из важнейших задач стало создание и восстановление экономических институтов, разрушенных социализмом. Это приходилось делать параллельно со стабилизацией и либерализацией экономики.

— Чтобы взяться за такую задачу, вероятно, требовалось отсутствие воображения? Или, наоборот, необычайная самоуверенность? Вы были одним из немногих людей в мировой истории, перед кем поставили задачу полностью перестроить экономическую систему крупной страны, причем вы не имели никакого опыта в решении подобных задач.

— В свое оправдание я могу лишь сказать, что после первой встречи с премьер-министром я от предложенной мне роли отказался. Только после ночной дискуссии с участием всех моих близких я все-таки решил принять это предложение, причем вопреки собственной жене, которая до самого конца была против. Но мой двоюродный

брат Марек Якубяк сказал: «Если ты сейчас откажешься, то всю жизнь об этом будешь жалеть». Думаю, это соображение и сыграло решающую роль.

— *И как создавался сам план преобразований?*

— Мы начинали не с нуля, и этот факт существенно повлиял на мое решение принять предложение Тадеуша Мазовецкого. Благодаря предшествующей работе, которую мы с моими сотрудниками вели уже много лет (разумеется, совершенно не представляя себе, что Польша в скором времени будет свободной страной), основные элементы стратегии были в общих чертах готовы. Еще в 1970-е мы пытались (в рамках тогдашних геополитических ограничений) реформировать социализм. Позже, уже в 1980-е, мы продолжали эту работу.

— *Таким образом, общая идея уже существовала. Однако после прихода к власти множество вещей следовало уточнить. Где дела пошли хуже всего?*

— Сегодня, в перспективе минувших лет, я думаю, что это была социальная сфера. Именно здесь в нашем плане мы допустили самые грубые ошибки. Например, мы не сумели вовремя отреагировать на предложенную концепцию выплат пособий по безработице, которая доходила до такого абсурда, что в результате выпускник вуза мог сразу записаться в безработные. Потом обнаружилось, что рост безработицы в первый период на две трети был прямо обусловлен этими пособиями.

— *Вы считаете, что сохранили слишком много элементов патерналистского «государства всеобщего благосостояния»?*

— Дело не в этом. Не должно быть так, что государство всеобщего благосостояния само создает клиентов служб социальной помощи и тем самым лишает их шансов начать жить лучше.

— *Эту сферу курировал Яцек Куронь?*

— В определенной степени. Я взялся за работу в правительстве, считая, что буду координировать всю экономическую программу. Поэтому для меня было важно, чтобы я одновременно был председателем Экономического комитета Совета министров. В беседе с премьер-министром я оставил за собой право выбора своих сотрудников.

— *Какова была роль зарубежных консультантов, таких как Джеффри Сакс и Международный валютный фонд?*

— Их роль не была решающей. Основные вопросы были для нас ясны с самого начала. В основе экономики должна лежать частная собственность, поэтому нужно было провести приватизацию. Нужно было быстро обуздать инфляцию, поэтому требовалась радикальная программа стабилизации. Нужно было также ввести конвертируемость злотого, что не было очевидным для большинства польских экономистов. Следующий пункт — это широкая либерализация цен. Джеффри Сакс укреплял нас в нашей убежденности. Он также сыграл существенную роль в проводившейся нами в США кампании по реструктуризации нашей внешней задолженности. Разумеется, важны были и переговоры с МВФ, с которым мы должны были согласовать план стабилизации. Бывают такие переломные моменты, когда реформы удается провести. Чаще всего это происходит после серьезного кризиса или после освобождения страны. У меня было сознание именно такого исторического момента — и что его нельзя упустить. Поэтому я исходил из того, что если уж мне доведется где-то совершить ошибку (что было вполне вероятно), то лучше уж в сторону слишком радикальных реформ, чем половинчатых или недостаточно глубоких. Всегда следует заранее решить, какого типа ошибок мы особенно сильно стремимся избежать.

— *Валютный курс, налог на сверхнормативные выплаты из фонда заработной платы, ограничение бюджетного дефицита были краеугольными камнями программы стабилизации. Но какова была сама исходная ситуация, которую надо было стабилизировать? В каком состоянии находилась экономика?*

— Уже через несколько дней после вступления в должность я узнал, что у государства просто нет больше иностранной валюты и что не хватит средств на закупку необходимых лекарств. Это была одна из первых проблем, которую я должен был решить, то есть получить промежуточный кредит на этот импорт. Еще через несколько дней я должен был принимать делегацию западных банкиров, которые требовали выплат по обслуживанию нашей задолженности «Лондонскому клубу». Но у нас для этого не было твердой валюты. Кроме того, бюджет, представленный предыдущим правительством Мечислава Раковского, не был одобрен новым парламентом, и мы должны были принять решение, как поступать дальше. Я решил, что сначала мы подготовим

бюджет на следующий месяц, потом — до конца года, а за это время выработаем проект бюджета на следующий год, уже непосредственно связанный с радикальной программой экономических преобразований. А еще были переговоры за рубежом. Через две недели после вступления в должность я полетел в Вашингтон на заседание министров финансов западных стран и взял с собой набросок основных контуров нашей программы на нескольких страницах с ориентировочными датами. В последний момент мы шлифовали формулировки этих тезисов с Яном Новаком-Езёранским и Збигневом Бжезинским. Важным исходным условием была реструктуризация нашей внешней задолженности. Меня приняли хорошо, но ощущение у меня было такое, что они не очень-то верят, что мы свои планы сумеем осуществить.

— *Что ж, их можно понять. Они же видели, что у нас пожар полыхает в каждом уголке дома.*

— Самым страшным явлением была гигантская, усиливающаяся инфляция, достигавшая нескольких десятков процентов в месяц. Это полностью дезорганизовало экономику. У меня не было сомнений, что мы должны как можно быстрее ее обуздать. Основными инструментами должны были стать новый бюджет, налог на превышение фонда заработной платы и так называемый валютный якорь.

— *Кто придумал налог на превышение фонда заработной платы?*

— Мы позаимствовали его (с некоторыми изменениями) еще из эпохи социализма. Я считал его необходимым инструментом для переходного периода — во-первых, потому что на государственном предприятии директор не заинтересован в том, чтобы сопротивляться требованиям о повышении зарплаты, а во-вторых, в связи с инфляцией. Этот налог был устроен так, что за превышение предельных значений роста фонда заработной платы налагались высокие штрафные санкции в виде прогрессивного налогообложения прибыли предприятия.

— *А откуда появилась идея фиксированного валютного курса в качестве антиинфляционного «якоря»?*

— Возможно, это было предложение МВФ, но оно не вызвало у нас возражений. Отдельным, весьма сложным вопросом был уровень этого курса и то, как долго он будет удерживаться. Это было одно из труднейших решений, принимавшихся в очень узком кругу и с большой неуверенностью. Предлагавшиеся значения колебались в диапазоне от 6 до 12,5 тыс. злотых за доллар. Установить курс на уровне около 12 тыс. зл. за доллар предлагало министерство экономического сотрудничества с зарубежными странами. В конце концов, по согласованию с Польским национальным банком, мы решили, что он будет составлять 9,5 тыс. зл. за доллар.

— *Оказалось, что это решение было удачным. А каким образом был установлен «час Ч», то есть момент начала реализации программы?*

— Я считал, что по различным причинам, в том числе и чисто символическим, предельным сроком должно быть 1 января 1990 го. С этого момента мы работали наперегонки со временем.

— *А до этого «часа Ч» вы боялись? Так просто, по-человечески?*

— Я помню состояние очень сильного стресса. Мне помогало то, что я опирался не на слепую веру, а на расчеты. Мы подсчитывали, какие у нас есть варианты. Я был глубоко убежден, что иная стратегия была наверняка обречена на провал, а наша — была связана всего лишь с огромным риском. Это ослабляло стресс.

— *Вы вели дискуссии о параметрах, законопроектах — но осознавали ли вы, что где-то там, в самом конце, находится простой человек со своими привычками, трудностями, ощущением грозящей опасности, то есть попросту тот факт, что все это может привести к событиям драматическим? Например, к уличным демонстрациям? Или, наконец, просто к голоду?*

— Самым важным было осознать, что уйти от бесчеловечного социализма всё равно будет лучше, чем постоянно оставаться в нем. Самым худшим было бы продлить процесс гниения. Мы опасались массовых банкротств предприятий, но вместо этого происходило массовое и постепенное их «похудение». Под воздействием конкуренции и финансового давления они начали избавляться от своих запасов, резервов. Отсюда, в частности, появилась уличная торговля. Мы опасались и того, что банки, которые по-прежнему оставались государственными, будут проводить слишком мягкую политику по отношению к убыточным предприятиям. Здесь в краткосрочной перспективе я ничего не мог поделать, разве что пригласить на беседу директоров банков и твердо им заявить, чтобы они были требовательными по отношению к предприятиям.

— *А чего сделать не удалось?*

— Инфляция оказалась выше, чем мы предполагали, но она быстро снижалась. Экспорт рос быстрее намеченных темпов, благодаря чему в первый же год у нас выросли валютные резервы и Польша могла начать платить за импорт нефти по рыночным ценам в долларах. Это был приятный сюрприз. Падение ВВП тоже было более значительным, чем предполагалось в бюджете, и только впоследствии выяснилось, что статистический аппарат был неспособен адекватно измерять параметры быстро менявшейся экономики. Он измерял только то, что снижалось, но был не в состоянии оценить рост. Теперь нам известно, что снижение ВВП было на самом деле в два раза меньше, чем сообщалось вначале, и что на протяжении двух лет оно было самым низким во всем постсоциалистическом лагере.

— Однако вы забыли о сельском хозяйстве. Для этой сферы хорошей программы просто не было. Роспуск госхозов оказался ошибкой.

— Это был не роспуск, а прекращение государственного субсидирования. Я знаю, что даже сторонники реформы относятся к этому вопросу как к слабому звену реформ. Имеет смысл развеять иллюзии и показать, чем были наши госхозы и что в них происходило до 1989 года.

— После плана стабилизации наступил второй этап — приватизация социалистической экономики.

— Для нас было бесспорно, что приватизацию нужно провести быстро, но как этого достичь — это, разумеется, было предметом дискуссий. Закон о приватизации был рамочным, носил общий характер, и многие конкретные решения в нем отсутствовали. После его принятия в Сейме в июле 1990 г. все депутаты встали и начали аплодировать: все сознавали, что это исторический момент.

— Вероятно, это был последний такой момент, потому что после этого началась острая политическая борьба.

— С середины 1991 г. началась политическая расслабленность. Весь год вообще был чрезвычайно трудным. Чрезвычайное положение в политической жизни закончилось, а экономика ощутила новое потрясение в связи с распадом бывшего рынка СЭВ и переходом к расчетам в твердой валюте. Мы прошли через первый шок стабилизации и испытали второй шок. Да и для меня это время оказалось психологически особенно трудным.

— Вы надеялись на поддержку Леха Валенсы?

— У меня никогда не было ощущения, что Лех Валенса — противник нашего плана. В начале 1990 г., на съезде «Солидарности», куда я поехал, возникла целая очередь из людей, задававших мне такие вопросы, как: «А вам известно, что из-за вас пенсионеры от голода умирают?» Валенса тогда заявил, что это бандитский план, но на его языке это звучало как комплимент.

— А как зарождалась польская налоговая система? Это вы ее тогда изобрели?

— Признаюсь, что я вначале не занимался налогами. С сегодняшней перспективы я думаю, что можно было сразу ввести так называемый плоский, или линейный налог, с единой для всех ставкой. Если бы он был включен в первый пакет реформ, то прошел бы через Сейм. Реформа налогов и введение подоходного налога от доходов физических лиц были проведены в условиях консультаций с МВФ. Я сосредоточился на том, чтобы эта система была единой, и выдержал грандиозную битву с экс-коммунистами из Союза демократических левых сил, который хотел освободить от налогов пенсионеров.

— После ухода в отставку правительства Белецкого вы были уверены, что экономика уже движется по правильному пути?

— Нет, потому что выяснилось, что существуют проблемы, связанные с бюджетом, и пришлось увеличивать его дефицит. Самые первые сигналы появились довольно скоро, и их было легко заметить: исчезли очереди, улучшилось снабжение, вырос экспорт, снизилась инфляция. Однако в 1991 г. столь наглядных и впечатляющих эффектов уже не было, а следующие требовали больше времени. Зато обострилась политическая борьба.

— Существуют определенные упреки и обвинения, которые затем прочно вошли в язык общественной дискуссии и настойчиво повторялись в период правления партии «Право и справедливость», такие как «невидимая рука рынка оказалась рукой афериста», упреки в проведении грабительской приватизации, создании сети тайных связей в бизнесе и «капитализма для избранных».

— В каждой стране, где проводятся трудные реформы, всегда найдутся люди, которые будут оперировать любой, даже самой позорной демагогией. У этих людей полностью отсутствовало чувство исторической и сравнительной перспективы.

— *Это, однако, действовало на воображение людей, особенно тех, которые не сумели подняться на этой первой волне польского капитализма, а некоторые из них в ней просто захлебнулись.*

— Следует сравнивать реальные данные, а не плоды воображения. Среди зажиточных людей, извлекавших выгоду из преобразований, есть определенная группа тех, которые вышли из бывшего правящего класса. Но — в соответствии с имеющимися и доступными данными — доминируют здесь вовсе не они. Взгляните, например, на список самых богатых польских предпринимателей. Наверняка таких бывших номенклатурщиков было бы меньше, если бы мы совершили кровавую революцию, но я никогда не был и не буду ее сторонником. Если же служителей прежней системы не уничтожить физически, то придется предположить, что какой-то их процент извлечет из перемен выгоду.

— *До завершения вашей первой миссии в двух правительствах вы не считали себя политиком?*

— Я был человеком, нанятым для выполнения конкретной работы в особых исторических обстоятельствах. По крайней мере, я так к себе относился.

— *В 1995 г. вы использовали партию «Уния свободы» для реализации своих целей?*

— Да, действительно, я вступил в «Унию свободы» (чье название, между прочим, я сам ранее предложил) и выдвинул свою кандидатуру на пост председателя партии.

— *Чего вы добивались?*

— Я хотел создать более сильную партию, чтобы весьма достойная программа «Унии свободы» привела к более эффективным результатам. На парламентских выборах в 1997 г. мы получили вполне неплохой результат, около 14%. Тут следует учесть, что на политической сцене появился блок «Предвыборная акция Солидарность», поддерживаемая самим движением «Солидарность». Мы шли на выборы под лозунгом «второй план Бальцеровича» — это была инициатива профессора Бронислава Геремека.

— *Если в политику не вкладывать всю страсть, все свое сердце, все амбиции, то она за это мстит. И вам она как раз отомстила, потому что как политик вы потерпели поражение. «Уния свободы» больше не существует, второго плана Бальцеровича — не было. Ну и как, вы разочарованы этим своим «политическим эпизодом»?*

— Отнюдь. Взгляните на достижения правительства Ежи Бузека, в котором я вновь был вице-премьером, — это правительство по-прежнему не оценено по достоинству. Фундаментальная пенсионная реформа, основанная на широкой политической коалиции, — это огромное достижение. Ускорение приватизации — это еще одно. Прошу вас, только представьте себе, что было бы с польской экономикой, если бы в период правления ПиС банки оставались государственными? Проведенная нами реформа местного самоуправления могла иметь свои недостатки, но она была проведена. Мы начали реформу системы здравоохранения. Была ускорена реструктуризация горной промышленности и железных дорог. Это огромное достижение. Так что игра стоила свеч.

— *И стоило потом потерпеть поражение на выборах?*

— Это расхожая мудрость: все говорят, что поражение было результатом слишком большого количества реформ. По моему мнению, это не было основной причиной. Экономическая ситуация во время правления коалиции «Предвыборной акции Солидарность» и «Унии свободы» была более трудной. Но главной причиной нашего поражения на выборах была чрезвычайная непрочность этой коалиции, в основном из-за центробежных тенденций в ПАС. У нас был выбор: либо всё пустить на самотек, либо вступать в конфликты с союзниками, борясь за реформы. Я выбрал второе. Премьер Бузек занимался внутрикоалиционными переговорами, а чем больше он вел переговоров, тем быстрее ПАС распадалась. А против нас выступала железобетонная экс-коммунистическая оппозиция во главе с Лешеком Миллером. Именно это, по моему мнению, и было основной причиной нашего поражения на выборах в 2001 году.

— *Вы бы хотели еще раз вернуться в большую политику?*

— Я не собираюсь ни занимать государственные должности, ни заниматься политической деятельностью. Зато меня чрезвычайно интересует возможность влиять на общественность. В частности, именно по этой причине я основал Форум гражданского развития (ФГР).

— *По вашему мнению, препятствует ли политика проведению в стране рациональных реформ? Этому ли научил вас ваш опыт?*

— Реформа государства всегда осуществляется посредством политики. А в политике, как и в любой профессии, есть разные люди. Есть такие, с кем можно многое сделать, и такие, которые только вредят.

— *А какие из них у власти сейчас?*

— Огромное качественное изменение к худшему — с точки зрения как направления, так и стиля политики — наступило после прихода к власти партии братьев Качинских. Появилась этакая нравственность Кали